

Главная песня о старом

Какой же Новый год без телепремьер, анонсы которых начинают крутить по родным для этих премьер каналам чуть ли не с лета? Однако прошедший праздник странным образом оказался каким-то «усталым», сюрпризов практически не было.

Была одна на всех «песня», которую многие действительно ждали — кто с естественной ностальгией, кто с опасением, кто с ехидным недоверием. И потому собственно в новогоднюю ночь большинство концертно-развлекательных программ закончились едва ли не раньше, чем первая перемена блюд. А к девяти вечера первого января вряд ли кто-то не проигнорировал традиционную «Песню года» во имя «Карнавальской ночи» в ее новой, при этом все еще рязановской версии.

Такие рекорды практически неизвестны ни относительно молодому телевидению, ни более чем 110-летнему кино: автор успешного фильма, возродившего музыкальную комедию после знаменитых опытов Г. Александрова, в свои неюные годы нашел силы и, что немаловажно, средства для создания фильма с элементами прежнего сюжета, с новыми актерами и попыткой наполнения новыми социальными реалиями.

Новый год получился у Рязанова ностальгическим и раздраженным, таким же примерно, какими были «Небеса обетованные» и отчасти «Старые клячи». Замечательные актеры, традиционно занятые у Рязанова, пришли в его ленту так же естественно, как собрались в мифическом Доме культуры на съемку концерта известные люди нашей страны. Этот римейк старой комедии можно было назвать еще «Скажи мне, кто твой друг...» Достаточно рассмотреть за столиками мелькающие по разу и более лица киноколлег Рязанова — Данелии, Тодоровского, Абдрашитова, врачей Рошаля и Бокерии, спортсменов Тарасовой, Родниковой, Третьяка, политической дамы Памфиловой, музейной — Антоновой, театральной — Эскиной, телеведущих Дроздова и Пушкиной, поэта Резника, музыковеда Бэлзы и космонавта Гречко, — и станет понятно, насколько легко было собрать режиссеру этих разных и занятых людей на свой бенефис. Если уж маэстро Спиваков стал гнать своих оркестрантов, обращаясь к ним к тому же на «ты» и сам взяв в руки вовсе не струнный тромбон... И патриарх нашего кино, лицо поколения «шестидесятников» Баталов согласился появиться в грустно-униженном эпизоде съемки праздничного приветствия, где горечи было больше, чем оптимизма, а интонации профессионала органично срывались на сетования старого человека о недостатках нового времени. И квартет сатириков — тоже «шестидесятников», составленный из таких «первачей», как традиционный для Рязанова Басилашвили вкуче с Квашой, Лазаревым и Державиным, спел мало кому из нового поколения зрителей понятную песенку о сексоте на мелодию простодушного «Сурка»...

И правда: мог ли кто-то из них отказаться от присутствия в зале, где в окружении сухой травы Рязанов со своей женой Эммой поют осенний по настроению романс? Могли ли они отказаться быть смонтированными с великой Инной Чуриковой, играющей поэтессу-графоманку в дико-золотом и дико-розовом туалетах, помещенную на телеславе и оплачивающую факт своего присутствия в кадре «зелеными» деньгами, тщательно упакованными между страницами поэтических сборников? Могли ли не выйти «в роли лектора Филиппова», на этот раз политехнолога-аналитика, у которого всего-навсего заплетаются язык и ноги, Гафт, давний спутник Рязанова? Могли ли не почувствовать себя очастливленными причастностью к кинолегенде певец Мазаев, игра-

ющий новорусского певца-бандита, и актер Певцов, поющий в облике командира подразделения ОМОНа сильно переделанную арию мистера Икс?

Кажется, все здесь были полны благоговения перед не просто ожившей, а живой, такой, что руками потрогать можно, историей нашего кино. Молодая актриса Бабенко спрашивала благословение на исполнение роли Алены Крылатовой у Людмилы Гурченко, а Безруков вернулся на несколько лет назад не только похудевшей фигурой или вновь перекрашенными в темный цвет волосами, но и юной застенчивостью, очками чудака-растяпы и милой актерской неумелостью, которую, не ровен час, можно принять всерьез. Вернулась в ленту и сама актриса-легенда, спевшая в финале песенку про улыбку, вернулся в облике белого клоуна и 90-летний (с лишним) Зельдин — эти два знака связи времен, долгожительства, верности актеров собственной истории и собственному режиссеру.

Однако настоящий римейк состоялся не на уровне текстов — куда менее язвительных и куда более тяжеловесных, чем это было в первоисточнике. Самым точным соответствием настроению и стилистике нового времени оказался дуэт Маковецкого — Кабачкова как «привета» Ильинскому — Огурцову с его секретаршей Ароновой — «приветом» роли Носовой. Именно в этом дуэте меньше всего было попыток напомнить об облике своих предшественников; особенно велика разница между настойчиво-сексуальной Ароновой по отношению к инфантильно-глуповатой Носовой. Что же касается Маковецкого, актера, умеющего балансировать на грани изысканного психологизма и диковатого гротеска, то степень его серьезности и погруженности в ложные (с точки зрения художественной убедительности) коллизии, абсолютное отсутствие комикования или неловкости за пребывание в кадре, наконец, несомненное обаяние этого почти, но не до конца уверенно расположившегося в жизни человека, — сделали его едва ли не единственным объектом художественного интереса. Поскольку интерес к остальным персонажам и ситуациям сродни интересу к аттракционам: получилось — не получилось, похоже — не похоже, наконец (и это уж совсем жаль), хуже — лучше.

Рязанов давно уже стал делать грустные фильмы. И этот фильм, наверное, самый грустный. Даже если станут цитатами такие реплики, как «откуда такая тяга к бесполезным ископаемым?» (о старом актере) или «есть ли жизнь за МКАДом?» (вместо классической «есть ли жизнь на Марсе?»), он не будет вспоминаться как праздник изобретательности и наблюдательности, как удивительно верное, хотя на вид и легкомысленное «зеркало времени». Публика сегодня настолько перекормлена всевозможными зрелищными эффектами, созданными или транслируемыми телевидением, что успех нового-старого фильма мог быть обусловлен тем ретростилем, который так востребован в политических зрелищах, применительно к политическим фигурам. Однако частный человек как раз и исчез из рязановского авторимейка; может именно потому, что «авто...» Первая премьера нового года, главная по замыслу ее создателей и выпустившего в эфир Первого канала, не стала «песней о старом», а потому вряд ли по прошествии года ее можно будет воспринимать как главную.

Татьяна ЗЛОТНИКОВА,
доктор искусствоведения.